

УДК 398(417)

DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-151-159

Рецензия на книгу:
Михайлова Т.А., Лайсафт П.
фольклор и мифология Ирландии.
М.: Альма Матер, 2025. 255 с.

Роман О. Кочетов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, romanarbetar@gmail.com*

Дата поступления статьи: 26 ноября 2025 г.

Дата публикации: 26 сентября 2026 г.

Для цитирования: Кочетов Р.О. [Рец.:] Михайлова Т.А., Лайсафт П.
Банши: фольклор и мифология Ирландии. М.: Альма Матер, 2025.
255 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 3.
С. 151–159. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-151-159

Book review:
Mikhailova T.A., Lysaght P.
Banshi: fol'klor i mifologiya Irlandii
[The Banshee. Irish folklore and mythology],
Moscow: Alma Mater, 2025. 255 p.

Roman O. Kochetov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, romanarbetar@gmail.com*

Received: November 26, 2025

Date of publication: September 26, 2026

For citation: Kochetov, R.O. (2026), "[Review:] Mikhailova T.A., Lysaght P.
Banshi: fol'klor i mifologiya Irlandii [The Banshee. Irish folklore and
mythology], Moscow: Alma Mater, 2025. 255 p.," *Folklore: Structure,
Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 3, pp. 151–159, DOI: 10.28995/2658-5294-
2026-9-3-151-159

Книга «Банши: фольклор и мифология Ирландии» включает исследования П. Лайсафт, Т.А. Михайловой и А.Р. Мурадовой. Впервые опубликованная в 2007 г. [Лайсафт, Михайлова 2007] она была повторно издана в 2025 г. Монография освещает представления преимущественно о банши – ирландском духе, который оповещает о скорой смерти человека, но при этом авторы не оставляют без внимания других сходных с банши мифологических персонажей кельтских традиций.

Книга включает написанные Т.А. Михайловой предисловия ко второму и первому изданиям, исследование П. Лайсафт о банши, работу Т.А. Михайловой на ту же тему, а также приложение, где А.Р. Мурадова знакомит читателей с фигурой Анку – мифологическим персонажем, которого принято называть «персонификацией смерти в бретонском фольклоре» (с. 225). В предисловии к первому изданию в основном перечисляются вопросы, ответы на которые предложены в работах, вошедших в монографию, а в более развернутом предисловии ко второму изданию Т.А. Михайлова касается некоторых аспектов, связанных с публикацией и оформлением книги, а также с образом банши и его генезисом.

Важной особенностью издания 2025 г. становится визуальный ряд: новая обложка монографии больше соответствует изначальному замыслу авторов (с. 9–11), а текст (в основном раздел, написанный П. Лайсафт) обогатился изображениями, помогающими «приблизить читателя к атмосфере» Ирландии, в которой сложились представления о банши (с. 12). Само содержание книги не претерпело существенных изменений, однако текст прошел редакторскую обработку, сгладившую некоторые неровности издания 2007 г.

В предисловии ко второму изданию Т.А. Михайлова приводит подробные сведения о П. Лайсафт, чьи исследования легли в основу одного из ключевых разделов книги. Помимо работы, перевод которой составляет раздел рецензируемого издания, у П. Лайсафт есть крупное исследование, посвященное банши [Lysaght 1997]. Т.А. Михайлова отмечает, что никакого более фундаментального труда об этом мифологическом персонаже за время, прошедшее с 2007 по 2025 г., не появилось. Далее автор предисловия отмечает современную тенденцию расширенного использования термина «банши» – им все чаще обозначают персонажей ирландской мифологии, имеющих мало общего с классическим образом вестницы смерти (с. 12–14). Чтобы проиллюстрировать этот процесс, П. Лайсафт приводит в пример книгу Х. Кей «Женщины иного мира в древнеирландской мифологии» [Key 2023].

В дополнение к своему основному исследованию Т.А. Михайлова добавляет, что в ирландских источниках появление банши

трактуются как констатация неизбежного факта грядущей смерти, а не как проклятие. Автор отдельно подчеркивает специфику появлений банши: она «никогда не слышна тому, кто должен умереть» (с. 21). Слышащие ее люди оказываются словно в ближайшем будущем, где предстоящая кончина уже свершилась, а обреченный утратил способность воспринимать звуки. Это отличает банши от ряда других персонажей, предрекающих смерть. Завывание банши Т.А. Михайлова связывает не только с традиционным плачем по покойнику, но и с воем, имеющим демоническую природу. Анализируя ирландские саги, исследовательница обращается к образам быков – демонов битвы, которые сопровождали поражение воинов «свистами, воплями и стонами» (с. 22). В сагах также упоминается обычай морить голодом телят, чьи крики призваны сопровождать умирающего в загробный мир. Так как плачи в Ирландии «обычно вербальны» (с. 22), Т.А. Михайлова предполагает, что помимо устоявшегося возведения образа банши к плакальщицам и богиням, есть смысл говорить о ее генетической связи с демонами битвы.

П. Лайсффт начинает описание представлений о банши, обращаясь к наименованиям этого мифологического персонажа: самый распространенный термин – банши (*bean sí*) – означает «женщина из иного мира». Локальные обозначения проливают свет на другие важные аспекты: *bean chaointe* значит «скорбящая женщина», а в некоторых графствах используют слово *badhbh*, связывающее банши с древними богинями войны, часто фигурирующими в средневековой литературе под этим именем.

Отдельно П. Лайсффт подчеркивает разницу между феями и банши: феи – существа социальные, а банши всегда одна. Существует нарратив, согласно которому банши – дух обычной женщины, работавшей при жизни плакальщицей. Такое занятие не поощрялось церковью, так как «считалось проявлением ложной скорби, а также семейного тщеславия» (с. 41). Однако вариант происхождения банши от обычной плакальщицы не очень популярен: существует около десятка примеров таких объяснений, половина из которых происходит из одного графства (с. 42). Другое объяснение происхождения банши звучит так: она сама принадлежит к роду, которому сообщает стоном о близящейся смерти человека, и выступает духом-покровителем этого рода.

Согласно представлениям ирландцев, банши являются не любым семьям. Около 80% семей, которых она «сопровождает» (с. 44), – коренные ирландцы, а остальные жили в Ирландии со времен Средневековья. Во время колонизации Ирландии возникло напряжение между теми, кого можно назвать коренными жителями острова, и британцами. П. Лайсффт придерживается мнения,

что это напряжение нашло выход в том числе в фольклоре: банши является не всем, а только тем семьям, которые издавна населяли Ирландию. Банши можно услышать преимущественно перед смертью наиболее социально значимых членов семей, зачастую старейшего мужчины. Согласно П. Лайсафт, образ банши происходит от «женщины-предка» рода, богини войны и земли, даровавшей власть законному правителю (с. 50–51). К такому выводу исследовательница приходит через сопоставление некоторых мотивов, а также наименований персонажа.

Крик – наиболее характерный признак банши. Распространены нарративы о плаче, доносящемся с разных сторон, быстро перемещающемся, обходящем вокруг дома. Часто он оказывается связан с водой: например, движется по течению реки. Хотя стоны банши часто бывают единственным ее проявлением, почти по всей Ирландии считается, что увидеть вестницу смерти тоже возможно.

По своей природе банши – одинокая женщина. Есть немногочисленные описания, представляющие банши молодой и прекрасной, однако наиболее типичный ее образ – маленькая старушка с длинными белыми или седыми волосами. При этом она не изображается уродливой, так как ее воспринимают своеобразной прародительницей. Банши чаще всего одета в белый плащ с капюшоном. Ее любимое занятие – расчесывание волос гребнем.

П. Лайсафт пишет, что обычно банши появляется незадолго до смерти или уже непосредственно в сам ее момент, когда людям и так понятно, что человек не выживет. Чаще всего банши воет по больному, редко – перед несчастными случаями. Многочисленные рассказы о плаче банши по человеку, который находится далеко от дома, например в США.

Если посмотреть на хронотоп появления банши в нарративах о ней, то окажется, что в основном вестница смерти предстает перед людьми в темное время или в сумеречные часы исключительно на улице. Обычно ее стоны можно слышать у дома умирающего, когда его там нет, вблизи необычных объектов ландшафта (приметных скал, холмов, определенных водоемов, колодцев), но чаще всего там, где непосредственно умирает человек. Связь банши с водоемами подчеркивается особенно: в графстве Голуэй распространен мотив о банши-прачке. П. Лайсафт проводит параллель с шотландским духом – прачкой, предвещающей смерть (*bean-nighe*), и с богиней войны Бадб.

Вера в банши отражает восприятие смерти не как частного события, а как требующего участия всей общины. Рассказы о плаче банши, предупреждающей соседей и родственников, имели практическое значение – они позволяли перестать надеяться на выздоровление больного и приступить к необходимым приготовлениям.

Нередко о явлении банши повествовали не сами семьи, к которым она, согласно историям, являлась, а их соседи. П. Лайсафт считает, что, с одной стороны, ближайшие родственники предпочитали объяснять необычные явления иначе, не решаясь трактовать их как зловещие знаки, а с другой – сама семья оказывалась в более выгодном положении, когда соседи рассказывали про банши, ведь та является только к людям благородного происхождения.

Есть «группа легенд» (с. 117), повествующая об опасностях встречи человека с банши. Две легенды распространены лишь в графстве Голуэй. В одной рассказывается, как мужчина пристает к банши, приняв ее за обычную женщину. Та оставляет на его голове отпечаток пяти пальцев. В другой легенде банши предстает в образе прачки, которая стирает рубашку мужчине, решившему подшутить над ней. Наиболее распространенная в Ирландии легенда рассказывает о похищении гребня банши. Так как причесывание является метафорой обольщения, П. Лайсафт находит в этом нарративе «очевидные сексуальные коннотации, указывающие на первоначальную роль банши как богини власти» (с. 127).

П. Лайсафт видит в технологическом развитии и следующими за ним социальными преобразованиями причину постепенного угасания веры в банши, хотя отмечает, что сама неоднократно общалась с людьми, для которых существование вестницы смерти не вызывает сомнения.

В следующем разделе книги Т.А. Михайлова сперва анализирует попытки найти истоки образа банши в историческом контексте. Автор приводит выдержки из текстов, на примере которых можно проследить процесс «кристаллизации» образа банши (с. 155), и считает, что осознание и осмысление «первичной функции банши – предрекать смерть своими рыданиями» происходит примерно к началу XIX в. (с. 155), однако в другом месте автор, ссылаясь на П. Лайсафт, говорит о XVII–XVIII вв. как о периоде окончательного формирования образа банши (с. 172). Наименование банши происходит от словосочетания «женщина из сида» (*ben sidhe*). Сидами в Ирландии называют волшебные холмы, в которых, согласно верованиям ирландцев, обитают жители потустороннего мира, тоже носящие имя сидов. Исследовательница приходит к выводу, что представления об одинокой, стенающей и предвещающей смерть банши постепенно расходилось с образом других жителей холмов. Эти мифологические персонажи отличаются и функцией, и визуальным образом, и наименованиями. Т.А. Михайлова рассматривает «исторические корни» образа – различные гипотезы о происхождении банши от реальных исторических личностей. Одна из таких гипотез заключается в том, что банши произошли от богинь-покровительниц, которые в свою

очередь являлись королевами неизвестного народа, покоренного гойделами – предками современных ирландцев. Такие королевы выходили замуж за завоевателей, а позже становились фольклорными фигурами. Другой возможный ракурс рассмотрения «исторических корней» – поиск истоков образа в особенностях погребальной традиции. Индоевропейская погребальная обрядность предполагала умерщвление супруги или наложницы правителя при его смерти. Таким образом, стоны банши могут восходить к стонам обреченной на смерть женщины. Эти и другие объяснения в духе историзма Т.А. Михайлова находят неудовлетворительными.

Чтобы выдвинуть свою трактовку происхождения образа вестницы смерти, Т.А. Михайлова обращается к примерам из саг, где женщины из сида предрекают смерть королям и военачальникам. Между этими женщинами и банши есть серьезные различия: например, у первых отсутствует столь характерные для банши стоны и завывания. Древние богини войны и смерти могут считаться лишь косвенными предшественницами банши. Т.А. Михайлова предлагает трактовать банши как архетип женщины-смерти, Анимы, о которой писал К.Г. Юнг [Юнг 1991], как амбивалентное воплощение эротического и нуминозного начал. Банши, являясь и прекрасной женщиной, и старухой, воплощает Эрос и Танатос. Опираясь на идеи Энн Росс [Ross 1973], исследовательница видит в банши производное от «архаического индоевропейского божества» (с. 185), но предлагает выйти за пределы индоевропейского прошлого и возводит этого мифологического персонажа к «универсальному ментальному архетипу» (с. 187). Корни такого архетипа автор находит «в вечной любви-ненависти ребенка к собственной матери» (с. 187). Тем самым Т.А. Михайлова объединяет разные интерпретации: банши родственна множеству божеств, упомянутых различными исследователями, но не восходит напрямую ни к одному из них.

Автор помещает банши в ряд других персонажей кельтских традиций. Гуарх-и-рибин (*Gwarch y Rhibyn*) и Кихираета (*Cyhyraeth*) из валлийского фольклора, бретонского Анку и банши объединяет использование звукового сигнала для предсказания близящейся смерти. Т.А. Михайлова даже полагает, что мы не вполне можем считать их разными персонажами. В кельтских регионах распространены представления о том, что любой необъяснимый звук может предвещать смерть. Причем зачастую он несет в себе сообщение о факте смерти как уже свершившемся в ином мире.

Т.А. Михайлова также рассматривает «вторичную атрибутику» (с. 202) банши. К ней относятся мотивы стирки одежды умерших, расчесывания волос гребнем, следа на лице, остающегося от удара банши, и ее способность выступать в образе птицы.

Мотив, в котором банши предстает в образе прачки, сближает ее с шотландской Бан-нихе (*bean-nighe*), а в гребне вестницы смерти исследовательница видит субститут *vagina dentata* – «страха мужчины перед дефлорацией (шире – страх кастрации)» (с. 210). В ирландской фольклорной традиции мертвецы и призраки при прикосновении навсегда оставляют след на теле человека. Вхождение этого мотива в «текст банши» (с. 149) вторично, но не случайно. Представление, что банши способна появляться в образе птицы – единственный аспект, объединяющий ее с Анку. Птица среди жителей Ирландии рассматривалась как воплощение души умершего, как атрибут «иного мира, но не мира загробного, а мира, так сказать, параллельного» (с. 213). Помимо этого, считалось, что в облике птицы человек может пребывать, пока он находится в промежуточном состоянии между миром живых и миром мертвых. Банши в этом отношении также оказывается на границе двух миров.

Приводя наблюдения П. Лайсафт, Т.А. Михайлова предлагает обратить внимание на один из вариантов происхождения банши, согласно которому ею становятся умершие плакальщицы или женщины, умершие неестественной смертью. Таким образом, автор сближает нарративы о «мертвеце, вышедшем из могилы» (с. 217), и банши. В Ирландии мертвецы, в отличие от сидов, не представляли опасности для живых, что в конечном счете распространяется и на банши.

Завершает книгу приложение, в котором А.Р. Мурадова анализирует фигуру Анку. Несмотря на то что имя Анку возводится к индоевропейскому **nku/*nek'* – «умирать», близкому к **ank-* – «необходимость, принуждение», в современном бретонском *Ankou* изолирован и употребляется поэтически со значением «смерть». Самое раннее упоминание имени персонажа относится к XIV в. Автор выделяет две традиции: в житиях святых, поэмах и песнях религиозного содержания Анку воплощает философскую категорию неотвратимости смерти, а в легендах, сказках, песнях и быличках Анку предстает более антропоморфной фигурой.

Поверья, касающиеся Анку, вероятно, существовали до христианизации Бретани и впоследствии инкорпорировались в церковную традицию. Первоначально Анку изображался как мертвец со стрелой, позднее – с косой (привнесение католической традиции), а затем как нищий или странник. В отличие от женского образа смерти Анку – мужчина, полуразложившийся мертвец, передвигающийся на скрипящей повозке. Его появлению предшествуют особые знаки: запах свечи, крик петуха. В рыбацких селениях он принимает облик моряка. Смерть всегда может быть синонимом Анку, однако сам Анку как мифологический персонаж не во всех случаях тождествен смерти.

Считается, что Анку когда-то был человеком, поэтому он достаточно часто оказывается ближе к миру людей, чем другие мифологические персонажи: он женится на обычных женщинах, нуждается в помощи кузнеца и различными способами принимает участие в жизни крестьян (подает голос на сельском сходе, пирует на празднике, крестит ребенка и т. д.).

В религиозной картине мира Анку занимает особое место. Он выступает помощником Бога и забирает жизни людей по Его воле, хотя и не является прямым посланником Бога. Существуют представления, что Анку – сын Адама и Евы, которому Бог повелел забирать жизни своих братьев. В целом же Анку настроен дружелюбно к праведникам и помогает им подготовиться к отходу в мир иной. В бретонской традиции почти что полностью отсутствуют мотивы об обмане смерти: Анку неумолим, но справедлив. В некоторых источниках он представлен даже справедливее Бога и святого Петра.

А.Р. Мурадова также рассматривает различные представления, характерные для бретонской культуры и связанные с образом Анку: например, птица (часто сорока), севшая рядом с домом, и странные шумы служат знаками приближающейся смерти. Считается, что Анку передвигается по особенным дорогам, которые нельзя преграждать. В современном бретонском языке Анку остается поэтическим синонимом слова «смерть» (*Marv*).

Монография широко освещает вопросы кельтской демонологии. Исследовательницы стремятся объяснить происхождение образа банши, используя разные подходы. Для П. Лайсафт характерно искать «рациональные» причины появления того или иного аспекта в нарративах о вестнице смерти: например, по поводу связи между стоном банши и водными объектами исследовательница выдвигает следующую гипотезу: «...Звуки хорошо передаются по воде или через воду, и может быть, что, однажды услышав что-то странное у воды, человек объяснял это влиянием сверхъестественного» (с. 101). Т.А. Михайлова объясняет генезис образа банши, возводя его к юнгианским архетипам. Однако оба исследования объединяет внимательное отношение к источникам и подробный разбор конкретных примеров, что позволяет подробно рассмотреть представления ирландцев о банши. Приложение, написанное А.Р. Мурадовой, имеет достаточно независимый характер, но является не менее ценным источником информации о кельтской фольклорной традиции, чем основная часть книги. Книга «Банши: фольклор и мифология Ирландии» представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Литература

- Лайсффт, Михайлова 2007 – *Лайсффт П., Михайлова Т.А.* Банши: фольклор и мифология Ирландии. М.: ОГИ, 2007. 184 с. (Нация и культура. Новые исследования: фольклор)
- Юнг 1991 – *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 300 с. (Страницы мировой философии)
- Key 2023 – *Key H.C.* Otherworld women in early Irish literature. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2023. 208 p. (The Early Medieval North Atlantic)
- Lysaght 1997 – *Lysaght P.* The Banshee: The Irish death messenger. Dublin: Roberts Rinehart Pub, 1997. 433 p.
- Ross 1973 – *Ross A.* The divine hag of the pagan Celts // The witch figure: folklore essays by a group of scholars in England honouring the 75th birthday of Katharine M. Briggs / ed. by V. Newall. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1973. P. 139–164.

References

- Jung, C.G. (1991), *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol], Renessans, Moscow, Russia. (*Stranitsy mirovoi filosofii*)
- Key, H.C. (2023), *Otherworld women in early Irish literature*, Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands. (*The Early Medieval North Atlantic*)
- Lysaght, P. (1997), *The Banshee: The Irish death messenger*, Roberts Rinehart Pub, Dublin, Ireland.
- Lysaght, P. and Mikhailova, T.A. (2007), *Banshi: fol'klor i mifologiya Irlandii* [The Banshee. Irish folklore and mythology], OGI, Moscow, Russia. (*Natsiya i kul'tura. Novye issledovaniya: fol'klor*)
- Ross, A. (1973), "The divine hag of the pagan Celts", in Newall, V., ed., *The witch figure: folklore essays by a group of scholars in England honouring the 75th birthday of Katharine M. Briggs*, Routledge & Kegan Paul, London, UK, Boston, USA.

Информация об авторе

Роман О. Кочетов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; romanarbetar@gmail.com

ORCID ID: 0009-0001-6217-4554

Information about the author

Roman O. Kochetov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; romanarbetar@gmail.com

ORCID ID: 0009-0001-6217-4554